

МЯТЕЖНЫЕ ДЖУНГЛИ

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке
Алексея Дурасова

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Мятёжные джунгли / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Спецназ КГБ).

ISBN 978-5-04-205682-6

Се­миде­ся­тые го­ды. В Ни­ка­ра­гуа ши­рится на­ци­о­наль­но-ос­во­бо­ди­тель­ное дви­же­ние. За­ру­чив­шись под­дер­жкой США, кро­ва­вый дик­та­тор Со­моса изо всех сил ста­ра­ется удер­жать­ся у вла­сти. Его под­руч­ным уда­ется схва­тить не­сколь­ко пов­стан­цев. Под ох­ра­ной от­бор­ных го­ло­во­ре­зов их раз­ме­щают в се­крет­ном ла­гере, что­бы по­зже ус­тро­ить по­ка­затель­ную ка­знь и снять ее на ки­но­плен­ку. О пред­сто­ящей ак­ции ста­но­вится из­вест­но со­вет­ской раз­вед­ке. На по­мощь плен­ни­кам на­прав­ляется груп­па спец­на­за КГБ под­пол­ков­ника Вя­чес­ла­ва Бо­гданова. Од­на­ко бес­пре­пят­ствен­но вы­садиться на ни­ка­ра­гуан­ский бе­рег не­воз­можно — рай­он кишит лю­дьми Со­мосы. Что­бы вы­пол­нить за­да­ние, Бо­гданов и его то­вари­щи ре­шают сы­грать не­обыч­ные для себя ро­ли...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-205682-6

Герилья — так называлось в Никарагуа национально-освободительное движение. По сути, это была революция — долгая, кровавая, унесшая десятки тысяч человеческих жизней. Длилась она долго — с начала шестидесятых и до самого окончания семидесятых годов двадцатого века. Против кого восстал никарагуанский народ? Против диктатора Сомосы. Верней сказать, за это время у власти успела побывать целая клика Сомоса. Все они были между собой родственники, власть, а вместе с нею и украденное у народа богатство передавалось из рук в руки — от одного Сомосы к другому. Богатство у семейства диктаторов все множилось, а народ становился все беднее.

Стоит ли говорить, что за спинами семейки стояли американцы? Стояли откровенно и явственно, американское правительство этого даже и не скрывало. Именно тогда родился придуманный американцами афоризм, облетевший весь мир: «Сомоса, конечно, сукин сын, но это наш сукин сын». Пожалуй, за всю историю человечества не было афоризма циничнее и откровеннее.

И вот этого самого «сукина сына», а вернее, целое семейство «сукиных сынов» и поддерживало американское правительство — всей своей вероломной, безрассудной, жестокой мощью. У Америки в этих краях были свои интересы, и ей очень не хотелось упускать из рук такой лакомый кусок, как истекающая кровью и нищающая день ото дня Никарагуа.

Стоит ли говорить, что народ Никарагуа в конце концов восстал против диктатора Сомосы и его клики? Это была неравная борьба, и, теоретически рассуждая, она не могла закончиться победой восставшего народа. Ведь, по сути, народ боролся даже не против кровопийцы-диктатора, а против самих США. Давайте представим соотношение сил: с одной стороны — всемогущие Соединенные Штаты, с другой — немногочисленные и плохо вооруженные повстанческие отряды. По здравом размышлении такая самонадеянная герилья должна была захлебнуться в крови, притом очень скоро.

Но не всегда здоровое размышление одерживает верх. Есть в этом мире нечто такое, что сильнее всяческих здравых доводов и рассуждений. Есть некий закон, по которому Давид вполне может одолеть Голиафа. Так случилось и в Никарагуа. Герилья победила! Правда, случилось это не за один день и даже не за один год. И ценою множества человеческих жизней.

А кроме того, победа герильи стала возможной потому, что восставшему никарагуанскому народу помогли в его борьбе. В числе главных помощников был Советский Союз. Это была разносторонняя

и многогранная помощь. В первую очередь дипломатическая. Но не только. Была и другая помощь. Были поставки всего того, что в настоящее время принято называть гуманитарной помощью, были разнообразные специальные операции, в которых участвовали вооруженные советские отряды...

Много чего было, и большинство из того, что было и что в конечном итоге привело восставший народ к победе, никогда не станет достоянием гласности. Потому что большая часть таких действий была строжайше засекречена. Возможно, в каких-то суперсекретных архивах и поныне пылятся документы и прочие доказательства на этот счет, но секретные архивы, как известно, способны хранить свои тайны веками... Лишь изредка, по какому-то случайному (а возможно, и преднамеренному) стечению обстоятельств какие-то отдельные моменты становятся известными.

Вот об одном таком моменте, а точнее сказать, об одной такой боевой операции с участием спецназа КГБ мы и расскажем. События, о которых пойдет речь, происходили в Никарагуа в начале семидесятых годов минувшего века. До полной победы сандинистов (так именовали себя революционеры) было еще далеко. Но тем не менее блестящая операция советских спецназовцев приблизила эту победу. Пускай и не особенно, а всего лишь на каких-то нескольких шагов, но и это очень важно. Потому что это не просто сами по себе шаги, это спасенные человеческие жизни, сохраненные человеческие судьбы и вообще все то, что именуется победой.

*Леон, второй по величине
город Никарагуа*

Отряд под командованием Диего Пахаро прибыл в Леон, когда основательно стемнело. И сам Диего Пахаро, и его бойцы большей частью передвигались по ночам, под покровом темноты.

Днем они старались не показываться в людных местах. В этом был свой резон — Диего Пахаро и его бойцы были повстанцами, революционерами. Они боролись против кровавого диктатора Сомосы, подмявшего под себя всю многострадальную страну. Сомоса — враг серьезный и беспощадный, он окружил себя полицией, Национальной гвардией, сбродом из разных стран, которые сами себя именуют «эскадронами смерти». Все это были враги Диего Пахаро и его отряда.

Но конечно, самым главным и самым страшным врагом были гринго, американцы. Без их поддержки и династия Сомоса, и Национальная гвардия, и «эскадроны смерти» — все они давно уже были бы свергнуты восставшим народом. Но пока что на никарагуанской земле были и гринго, и Сомоса, и «эскадроны смерти»... С ними и боролся Диего Пахаро со своими боевыми товарищами.

Конечно, таких отрядов было немало, но отряд Диего Пахаро был одним из лучших. И потому командование Сандинистского фронта поручало Диего Пахаро и его бойцам самые сложные, ответственные и рискованные операции.

Например, такую, какую им предстояло выполнить в Леоне. Здесь повстанцам предстояло ликви-

дировать Уго Монтеса — начальника местной Национальной гвардии. Уго Монтес был убежденным приспешником Сомосы и при этом таким же, как и он, кровавым палачом. Сколько людской крови он пролил в Леоне — да разве в одном только Леоне? Жители Леона и окрестных поселений трепетали от одного только имени Уго Монтеса. Он не различал, где виновные, а где безвинные, он не щадил никого. Командиры Сандинистского фронта говорили, что на таких, как Уго Монтес, и держится режим Сомосы. Правильно они говорили, все так и было.

Именно Уго Монтеса и предстояло ликвидировать отряду Диего Пахаро. А это — дело непростое. Тут необходима была кропотливая, многодневная подготовка. Такая подготовка была проведена. И вот наступил решающий этап операции. Этой ночью палач Уго Монтес должен был умереть...

В город Диего Пахаро вошел лишь с десятью бойцами. Большая часть отряда оставалась за городом, в глухом горном ущелье. Всему отряду в городе было делать нечего. Ликвидация одного человека, кем бы этот человек ни был, — дело тонкое, просто-таки ювелирное, и потому большого количества людей здесь не нужно. Здесь нужно действовать не числом, а умением. После ликвидации, разумеется, поднимутся шум и переполох, все выходы из города, конечно же, будут перекрыты, и потому попробуйте-ка выбраться за пределы города всем отрядом! В этом случае небольшой группой выбраться намного проще.

В город Диего Пахаро и его бойцы проникли удачно — многочисленные патрули их не заметили. Очутившись в городе, Диего Пахаро первым делом зашел в один небольшой дом на городской окраине. Это был не просто сам по себе дом, это была конспиративная квартира.

Здесь Пахаро ждали. Те, кто находился в доме, были подпольщиками, связными между городским подпольем и сандинистскими отрядами. Всего в доме было два человека — пожилой мужчина и девушка. Пахаро их знал в лицо, он встречался с ними раньше, выполняя различные задания в городе. Соответственно, мужчина и девушка также знали Пахаро. Впрочем, их имен Пахаро не знал — так же, как и они его истинного имени. В той войне, которая велась в стране, лучше было знать лишь прозвища повстанцев. Пахаро — это было прозвище, и означало оно Птица. Пожилого мужчину-связного звали Барба, что означало старик, а девушку — Гата, что означало кошка.

— Не зажигайте свет, — сказал Пахаро, входя в дом. Своих бойцов он оставил во дворе дома — нужно было прислушиваться к тому, что происходит во тьме, и всматриваться в нее. И к тому же совсем необязательно было каждому знать в лицо связных. Так было безопаснее. — Я — ночная птица. А ночные птицы не любят света. Темнота — вот что им нужно.

— Знаем, что нужно такой птице, как ты, — ответила Гата. — Здравствуй, амиго Пахаро. Как добрался?

— Здравствуй. — Пахаро на ощупь нашел в темноте протянутую руку девушки и нежно ее пожал. — Все хорошо, девочка. На этот раз нам повезло, и патрули нас не заметили. Да если бы и заметили — тоже было все нормально. Я во вражеской военной форме. И мои люди тоже. Нас сложно в темноте принять за чужих.

— Если повезло с самого начала, то будет везти до самого конца, — отозвался из темноты мужской голос.

Это, конечно, был Барба. Пахаро и ему пожал на ощупь руку.

— Хотелось бы, чтобы так и было, — сказал Пахаро. — Здравствуй и ты, старик. Ну, и что вы мне скажете? Ничего не поменялось?

— Вроде нет, — ответил Барба. — В городе только и разговоров, что об Уго Монтесе. Вот, дескать, Сомоса недавно наградил его орденом и вдобавок выделил ему большое поместье. И еще подкинул денег. Американских денег, само собой. За верную службу. И нынешним вечером Монтес устраивает по этому поводу праздник. Большой, пышный праздник... Я думаю, праздник будет длиться до самой ночи. А может быть, и до самого утра. Уго Монтес любит пышные гулянки.

— Вот как — даже имение ему подарено? — Было слышно, как Пахаро хмыкнул в темноте. — И где же?

— Говорят, где-то в окрестностях Чинандеги, — ответил Барба. — Богатое, говорят, поместье. С плодородной землей...

— Значит, поместье, — задумчиво сказал Пахаро. — В окрестностях Чинандеги. Не так далеко от Леона... Что ж, тем лучше. Тем громче будет наш крик. По всему Никарагуа его будет слышно. Даже в Америке, пожалуй, услышат...

— Ты что-то задумал? — с тревогой спросила Гата. — Наверно, что-то очень опасное...

— Ну что ты, девочка, — мягко ответил Пахаро. — Так, пустяки...

— Знаю я твои пустяки! — сказала девушка. — Не бережешь ты себя.

— Ну, тут ты не права, — усмехнулся Пахаро. — Уж себя-то я берегу! Потому что если меня убьют, то кто будет воевать с существующим режимом?

— Другие будут воевать. — В голосе девушки угадывались слезы.

— То другие, — сказал Пахаро. — А то я. У меня с ними свои счета. Индивидуальные.

— Не бережешь ты себя, — повторила девушка.

Вместо ответа Пахаро протянул руку, дотронулся до лица девушки и нежно погладил ее по щеке. Конечно, он почувствовал и слезы на ее лице. Но ничего не сказал, лишь вздохнул и еще улыбнулся. Конечно, никто в темноте его улыбки не увидел.

— Ну, так я полетел, — сказал он. — Пожелайте мне счастливого полета.

— Желаем, — ответил Барба.

А Гата не сказала ничего. И Пахаро знал, почему она промолчала. Она промолчала потому, что любила Пахаро. А он любил ее. Они ни разу не гово-

рили друг другу о своем чувстве, разве что намеками. Гата иной раз лишь вздыхала, а Пахаро грустно улыбался. И — ничего больше.

Леон, резиденция генерала Уго Монтеса.

Той же ночью

Генерал Уго Монтес, что называется, любил пожить. Роскошные апартаменты, дорогие автомобили, большие деньги. Само собой, не местная кордоба (их генерал и за деньги не считал), а исключительно американские доллары. А еще золото и всяческие драгоценности. Золото генерал Уго Монтес ценил еще больше, чем доллары. Деньги по большому счету — это всего лишь бумажки, а с бумажками всякое может случиться. Они могут обесцениться, сгореть в огне... А вот с золотом и алмазами не случится ничего. Они никогда не обесценятся, не сгорят в огне...

Конечно, золото нужно надежно хранить — ну да с этим вопросом у генерала проблем не было. Сейфы, в которых хранились генеральские драгоценности, были самыми надежными во всем Никарагуа. С тройным секретом! И находились они в таком месте, о котором знал лишь сам генерал. Оно, это место, было хитро устроенным: вроде бы и на виду, но одновременно никому и в голову не придет, что там, в этом самом месте, находятся сейфы. О, генерал Уго Монтес был человеком умным и сообразительным, и уж он-то мог найти подходящее место для своих сокровищ!

Как эти сокровища попали в генеральские руки? Разными путями: что-то выделил ему диктатор Со-

моса, что-то генерал добыл самостоятельно, разбойничьим способом, с кровью и смертями. По-всякому бывало.

По большому счету генералу Уго Монтесу было наплевать на Никарагуа, на Сомосу, на американцев и вообще на всю политику разом. Политика его не интересовала. Верней сказать, интересовала постольку, поскольку таким способом он мог добывать для себя доллары и золото. И если, допустим, завтра генерала позвал бы кто-то другой и предложил бы ему больше денег и больше золота, генерал тотчас же ушел бы и от Сомосы, и от американцев и стал бы верным слугой тому, кто его позвал на более сытные хлеба. К черту всякую политику! Богатство — вот самое главное, ради чего стоит жить! Можно сказать, что эти слова были жизненным правилом генерала Уго Монтеса. Они были его жизненным кредо.

А еще генерал любил пышные застолья. Особенно если выдавался подходящий случай. А сегодня как раз и был такой случай. Его наградили орденом, а вдобавок выделили поместье под Чинандегой. Впрочем, что орден? К орденам Уго Монтес относился без особого почтения, считая их побрякушками, цацками и ничем больше. Конечно, он постоянно носил их на своем мундире, так как без этого было никак нельзя: генерал непременно должен быть при орденах, это придает ему солидности и авторитета. А на самом деле что взять с тех орденов? Одним словом, побрякушки.

Другое дело — поместье под Чинандегой. Генерал давно уже присматривался к этому поместью. Хорошее это было поместье: обширное, плодородное и богатое. Называлось оно Вальпараисо — Райская Долина. Конечно, у поместья был хозяин — такое добро не может быть бесхозным. И это был весьма влиятельный и авторитетный хозяин — даже клану Сомосы приходилось с ним считаться. Даже американцы, и те ничего не могли поделать с хозяином поместья, хотя и вели себя в Никарагуа как истинные хозяева.

А вот генерал Уго Монтес оказался куда ловчее и клана Сомосы, и американцев. Он поступил просто и эффектно: нанятые им люди просто застрелили владельца Вальпараисо. Верней сказать, взорвали автомобиль, на котором он ехал, и для верности выпустили в безжизненное тело несколько автоматных очередей.

Убийство, конечно, было громким, но и тут генерал Уго Монтес выкрутился самым ловким способом. Он громогласно, на всю страну, заявил, что это убийство — дело рук повстанцев Сандинистского фронта. Ему поверили, да и как было не поверить? По всей стране шла вооруженная борьба против диктатора Сомосы и американцев, маячивших за его спиной. Сандинистские отряды то и дело нападали на поместья, судили по законам военного времени их владельцев (если владельцы загодя не успевали сбежать или скрыться), а все имущество раздавали местным крестьянам. Это были не просто разбойничьи налеты, это была социалистическая революция во всей